

Отдавая дань памяти легендарного, фантастически талантливого человека, каким был мой отец Эмиль Иванович Косполов, считаю возможным сказать несколько слов о народе манси. Об этом малочисленном и загадочном этносе исследователям известно не много. Выделяясь на фоне географических соседей подобно тому, как отличаются от окружающих групп, например, сахалинские айны, не совпадая по языковым, антропологическим и социо-культурным признакам практически ни с одним из этносов, этот народ незаслуженно мало изучался, и история его содержит массу вопросов, на которые в течение не одного столетия ученые не могут найти ответов.

На фоне глобального экологического кризиса тема малого этноса приобретает особую ценность: инфраструктура современного мегаполиса в корне противоположна малому поселению в аутентичной среде. Противоположна в плане техногенных компонентов и в плане особой этики. Этика мегаполиса рассчитана на активное вмешательство в природную среду без учета сохранения вековых традиций, в то время как целостность мира, единство всех его составляющих – от микро до макро, от капли росы и луча света, до бурления реки по весне или хруста снега зимой, понимание себя как частицы мира – это чувство характерно теперь только для малых этносов.

Настоящим откровением будет признание факта, что именно малые народы способны сохранять гармоничное эколого-духовное слияние с окружающим миром. И свет заповедных истин, передаваемый от поколения к поколению представителями уникальной нации «от первого лица», набирает все большую значимость на фоне стремления передовых держав отрываться от своего природного начала.

Если же принять во внимание известный «Угорский транзит», о котором скудные, но точные сведения находим разве что у археологов, этих странноватых, загадочных, немногословных людей с непроницаемыми лицами, имеющих дело с костями и черепками и весьма неохотно делящихся драгоценной информацией с простыми смертными, то в новом свете выступают сюжеты редчайших письменных свидетельств мансийского фольклора. Речь не только о миграциях протоугров за «Камень» в те далекие времена, когда еще манси имели богатырское телосложение, а женщины их родов стреляли из лука не хуже мужчин. Учитывая сведения, что в 1455 году Вогульский князь Асыка напал на Вычегодскую Пермь, прошел до Усть-Выма и взял в полон Питирима Пермского, а затем – в ответ – в 1465 году из Европы Скряба прошел на Угорскую Землю воевать и добился обложения данью зауральских народов, можно заключить, что перемещения воголов «за Камень» были периодически возобновляемым явлением, и устный эпос манси донес особенности, конкретизирующие ситуацию каждого нового похода.

Так сложилось, что исторически мансийскому народу постоянно приходилось сталкиваться с более агрессивными соседями, будь то отдельные группы коми в Европе или отряды хантыйских или татарских соседей. Мансийская легенда «Вожак Ивыр» в переложении А.М. Коньковой до-

носит до нас следы этого транзита, в ходе которого богатыйрского телосложения нация с феноменальными способностями вытеснялась на Восток и Север, растрчивая постепенно силы на борьбу с тяжелыми погодными условиями. В ходе этого передвижения происходило естественное смешение этносов и закономерная трансляция мансийских – и всевозможных коми-вогульских и вогуло-мордовских названий – на территорию современного Ялуторовского района, Тобольска, Ишима, Тюмени. Это породило множество загадок для исследователей: если сравнить топонимику мансийских названий и названий ряда стран Европы, то нас поражает сходство ряда топонимов или гидронимов. Начиная от прибалтийского «Юрмала», финского «Куоккала» и, например, архангельского «Соломбала» – и оканчивая топонимами «Емуртла», «Юшала», «Ингала», Шеркала в Тюменской области, можно отметить трансляцию форманта -ла как прямую языковую преемственность.

При этом множество фактов говорит о существовании «прототекстов», в большинстве своем до нас не дошедших, где отражена главная миграция манси на Восток. Культурные последствия такого транзита прослеживаются не только в мансийской литературе, которая, кстати, катастрофически бедна на записанные тексты, но и в материалах, до настоящего времени с мансийской культурой не связанных. Как не сказать, например, спасибо Бажову с его Уральским правдивым и дотошным документализмом литературного языка! Мы находим, к счастью, массу памятников литературы, где сливаются непротиворечиво реалии сказов Бажова, одна из основных особенностей которого – биографичность и деловитая документальность; и лаконичность мансийского эпоса, наиболее аутентично переданного и дошедшего до нас в интерпретации А. Коньковой.

Вчитываясь в Бажова, мы слышим звуки: звучит кирка, или другие специфические прилады горнозаводских рабочих, хрустит снег, пересыпаются блестящие камушки под ногами... Фосфоресцирует туман в виде синей шапки – над Синюшкиным колодцем, который с детства врезается в нашу память... Даже запахи присутствуют в этой прозе, и осязаемость приисков, путей, и ослепительность природных огней...

Обобщенная проза Анны Митрофановны Коньковой подобна Северной библии, где нет нужды пристально вглядываться в происходящее на наших глазах чудо. Имеет место быть изящная констатация факта данного чуда, краткая и исчерпывающая, как несколько страниц из огромной летописи странного и не всегда понятного потомкам народа.

Постоянный диалог с природой у «слушающего человека севера» в крови. Да и шаманы – это не только какие-то камлающие обкуренные бабуси, это целая культура, закрытая от досужих любопытных глаз.

Мироощущение миропонимание манси – изначально или в силу сложившихся обстоятельств кем-то или чем-то гонимого на восток народа – постепенно трансформировалось в соподчиненное некому Торуму, некому объекту на звездах, лесной или Водной деде. Обожествление сущего, рядом царящего порядка, второстепенное к нему отношение, как ни парадоксально облегчило группам угров крещение и повлияло на христианизацию, одной из важных заслуг которой стало уменьшение вымирания народностей от засилья кабаков.

Как до христианизации, так и после уклад жизни и верования манси не имели базовой зависимости от места, выбираемого для поселения (малый круг – избы, землянки, юрты; большой круг – Европейская территория, Уральский регион, Западная Сибирь), и не переживали фундаментальных мутаций, связанных с перемещениями.

Потому и угорская сказка так многозначна, и только один её план нацелен на неназидательное воспитание и обучение подрастающих охотников, воинов или мастериц.

Мансийские сказки поэтому предполагают ролевое или ритуально-игровое замещение зооморфными персонажами людей в ситуации, когда требуется закрепить какой-либо навык в образной, смягченной, неназидательной форме. Прием замещения идет параллельно с обучающим приемом, когда животному целиком отдана человеческая роль и совокупность функций, так сказать, пожизненная.

Например, Заяц и Зайчиха в сказке «Хочу – не хочу» выполняют постоянные функции родителей, и только. Множество других планов просматривается в образах духов.

Человек, дух в человеческом облике (Комполэн, Виткась, Кул-нэ) как антропоморфные участники северных сказок и притч, как правило, присутствуют либо в некоем фоновом удаленном пространстве или времени, в параллельной действительности, в рассказах или высказываниях активно беседующих зверей и птиц сказки, либо они способны к возрастной, телесной либо иной трансформации, которая необходима им при общении с человеком.

ВОДНАЯ БОГИНЯ

Такова, в первую очередь, хранительница водных просторов – Кул-нэ. Примечательно, что для ряда китайских, тюркских и ряда других народностей женская ипостась Водного пантеона богов естественна. Это не только признак длительности действия матриархата у малых народностей Югры, но и указание на функцию воспроизводства, способность рождать живое. Для мировоззрения большинства фратрий народа манси характерна установка, что первоосновой бытия является вода.

Такая приверженность к доминированию водной стихии может говорить о древности и всеобщности для различных наций текстов о происхождении земли, появлении участка суши из-под воды. Таким же древним является повествование о предшественниках людей – представителях четвертой расы на Земле – Менквах.

Менквы в мансийских мифах – это неудачная попытка верховного Бога сотворить людей, и создавались они из стволов лиственниц, являясь представителями среднего мира. Эпоха менквов так и называется – Менквен-Торум. По одной из версий, например, младшей сестрой братьев-менквов с реки Ляпин считается лесная дева Мис-нэ, связь которой с Кул-нэ иногда восходит к прямому замещению: в некоторых интерпретациях Вор-Мис-нэ (лесная женщина) и Вит-Мис-нэ (водная женщина) имеют равноправную функцию в пантеоне «подчиненных» духов. В этом случае Кул-нэ напрямую дублирует Вит-Мис-нэ.

Верховные боги мансийского пантеона, представители верхнего мира – это прежде всего верховный Торум, сотворивший менквов и следящий за миром, отвечающий за мирное разрешение конфликтов, а также Хонт-Торум – высшее Божество войны; Сорни-Кворес, к которому можно обращаться напрямую не иначе, как Сорни-Кворес батюшка, Сорни-Кворес тятенька.

Меньшие по рангу представители невидимых трех миров (верхнего, среднего и нижнего) – это «смотрители» стихий: земли, огня, воды.

Присутствие женского персонажа, связанного с водой, встречается в мансийских легендах, нашедших отражение в сказках А.М. Коньковой, напри-

мер, в сказке «Мыколкинаямка». «Мыколка нашел в своем труде то добро, которое обещала ему Кул-нэ – Женщина-Рыба». Еще более показательный пример почитания Кул-нэ встречаем в «Сорнин Канясь – «Золотой князь»: «Побежала тогда Вондр к реке, увидела ее Кул-нэ – Женщина-Рыба – из воды и начала звать: «Беги ко мне, я укрою тебя». Распустила Кул-нэ над водой свои длинные зеленые волосы и скрыла под ними Выдру. Ушла Выдра в воду, нашла там свое спасение и поныне в воде живет».

Образ Кул-нэ примечателен целой палитрой соответствий с образами хранителей водных глубин у других народов или в областях за пределами Тюменской области. Если рассматривать привязанность к определенному месту – роднику, ручью, реке, колодцу, то у Кул-нэ «подведомственная территория» – река, причем в ряде случаев – часть реки, либо – реке – бассейн конкретной реки.

В сказах Бажова аналогичными свойствами обладает, например, синюшка, которая говорит о себе и своей связи с глубоким колодцем: «К здешним богатствам навек приставлена». Ее полномочия – охрана территории, на которой находится колодец и подземные россыпи драгоценных камней.

Отличительные особенности этого персонажа – способность к трансформации и одновременно – молодость и старость. «Синюшка я, всегда старая, всегда молодая».

Возможно, есть связь у образа Синильги и образа Синюшки не только с легендарной Кул-нэ, но и – топонимически – с озером Сингуль в Ялуторовском районе. Синиль=снег, Синюш (производное от Синиль и трактуемое состояние воды) – это один корень. У саамов, как известно, 41 обозначение состояний снега, а плеяда женских персонифицированных божеств, отвечающих за различные агрегатные состояния воды, впечатляет. В этот пантеон входят всевозможные владычицы царства снегов, Снежная королева – у датчан, Снегурочка – в средней полосе России, Синильга – в Восточной Сибири, причем «синиль» непосредственно означает снег. Отсюда понятно Син-гуль – озеро. Снег – и синиль – означает одно и то же. Русская версия, производная от снег – снегурка, дочь – дочурка. Интересна связь этого персонажа с темой девственности, целостности: чистота снежной девы должна быть неприкосновенна.

Другая поведенческая история у Синильги, например, скорее вяжется с лесными девами: захочет – появится, захочет – исчезнет, а того и гляди запутает, уведет в чашу. Образ Синюшки поражает чисто мансийской многозначностью – тут параллели с Комполэном, и чисто Бажовской выпуклостью: у нас полное ощущение не только подлинности персонажа, но и присутствия рядом.

ЧЕЛОВЕК ЛЕСА

Талантливый, гениальный рыбак-одиночка, который знает, как выйти «на связь с Кул-нэ» – так думали об Эмиле Ивановиче многие соседи, жители дальних поселков и даже соратники по Думе. Эмиль Косполов – человек из породы вождей – передатчиков и интерпретаторов высшего знания, той необходимой основы, на которой базировалось устройство северной жизни, не мог быть и не был обыкновенным. Его аура спланивала людей вокруг незримо, но безусловно, и поэтому неудивительно, что мы оказались свидетелями того, каким ударом стал уход его из жизни не только для отдельных соратников, но и для целых семей и родов.

...Добродушный и улыбчивый в общении, он иронически относился ко всем ярлыкам, которые приписывали ему при жизни, находясь кос-

мически далеко от любых определений и не признавая сужения рамок. Он мог подолгу глубоко задумываться, как бы выпасть из реалий этого светлого мира, что естественно для литераторов и музыкантов любой нации (по одной из ветвей происхождения родов предки его – Лозьвины, считавшиеся неисправимыми молчунами). Предполагаю, как такому человеку, как мой отец, трудно было подолгу в обычном традиционном для современного человека социуме. Любой, даже бытовой разговор и с отцом, и с бабушкой Аннэ – А.М. Коньковой всегда хотелось продолжать и продолжать, продлевать подольше, потому что было странное ощущение «космического ветра» – и от слов их, и от самого общения. Для таких людей всегда отворено некое «окно в небо», и даже уходя, они просто делают какой-то малозаметный оставшимся жить знак или жест – как взмах крыльями. Прожить, не проронив даром ни частички света – большое искусство, данное немногим...

Рыбак с большой буквы с этими мифами был, безусловно, знаком. Но вряд ли вспоминал о них, когда рыбачил. Со стороны его знаменитая рыбная ловля выглядела трагикомично. Комично – для него, трагично – для других рыбаков. Перекладывая сигарку с одного уголка рта на другой, а то и обходясь без сигарки, он усаживался у лунки, замирал, «слушал реку»... Потом весело и молниеносно являл на свет Божий очередную щучку или окунька... Потом – следующего... И сиял при этом, как диск луны в полнолуние. А метрах в двадцати от него вверх и вниз по течению унылые, экипированные до зубов собраты по увлечению мерзли, сердито зыркали в его сторону и, отчаявшись, выносили резюме – мол, с Кул-нэ договор у него, или присказку какую знает, колдун! Ну, посудите сами: посреди белого безмолвия неподвижной равнины реки пять почти одинаковых лунок – недалеко друг от друга. Все в равную заняты ловлей, но только у Эмиля клюет. Сидят в оцепенении ханты, манси, русские – неважно; унылые еще более потому, что и полчаса не проходит, как издевательская сияющая физиономия свидетельствует о том, что крупная щучка опять пришла к тому самому счастливицу...

Он признался однажды, посмеиваясь над прозвищем «колдун», что на самом деле он просто ищет необычное в обычном – река ли это, лес ли или скрупулезная работа в Думе. Глубина – в мелком, свет – в темноте, дорога – в чаще... Жизнь по законам рода требует постоянного диалога с природой, утраченного современной цивилизацией, и дает человеку особое чутье в выборе правильного направления.